

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. П. ПЕШКОВОЙ

В 1919 году шла гражданская война в самой России и еще не окончена была война с Польской Республикой. В результате русско-польской войны появились большие группы лиц, положение которых к этому времени стало невыносимым. Это были военные и гражданские пленные, заложники войны и прочие как на территории Польши, так и России. Разумеется, в обеих странах не было никаких представительств, которые могли бы заняться помощью этим людям. Заботу о них решили принять на себя Российское и Польское Общества Красного Креста. Их представители созвали совещание в Микашевичах, где было подписано соглашение, касающееся ликвидации польского заложничества в Российской Социалистической Федеративной Советской республике. В нем говорилось:

"... Польское Общество Красного Креста в Польской Республике и Российское Общество Красного Креста в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, руководимые гуманитарными чувствами, коих выразителями они являются, приобрели от своих Правительств соответственные полномочия для окончательной, не требующей ратификации, ликвидации польского заложничества в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, а равно для дачи торжественного обета абсолютно не применять в будущем, на основании взаимности, системы заложничества".

Много было записано в этом соглашении хорошего и разумного, в октябре 1919 года соответствующие полномочия были выданы Правительствами двух стран представителям Польского и Российского Красного Креста. Однако, реальной работы не последовало.

6 сентября 1920 года в Берлине было подписано соглашение, касающееся облегчения участи жертв войны "как с всемирной войны, так и нынешней". К этому времени война с Польшей все еще продолжалась. В СССР не было никакой польской организации, которая могла бы защитить интересы польских граждан и обслужить их нужды. Непосредственных телеграфных и почтовых сношений с Польшей также не существовало. В таких условиях начала свою работу Екатерина Павловна ПЕШКОВА, активная общественная деятельница, к этому времени уже почти два года возглавлявшая организацию "Московский Политический Красный Крест".

Екатерина Павловна была первой женой Алексея Максимовича Горького, сохраняла с ним дружеские отношения, к ее просьбам прислушивались власти. Очевидно, поэтому к ней обратился представитель Польского Общества Красного Креста. В депеше от 4 сентября 1920 года на имя комиссара иностранных дел РСФСР Чичерина говорилось:

"Польский Красный Крест просит Екатерину Павловну Пешкову взять на себя попечение о гражданских пленнх, уполномочение и область деятельности должны быть равны с нашими делами Семполовской в Варшаве".

Екатерина Павловна дала свое согласие. Еще раньше, в марте 1920 года, аналогичная просьба от представителя Российского Общества Красного Креста поступила к Стефании СЕМПОЛОВСКОЙ, известной общественной деятельнице Польши, которая согласилась на эту работу.

20 октября Е. П. начала свою деятельность, еще не имея мандата.

Мандат (Доверенность) был выдан ей 17 декабря 1920 года. Там указывалось, что Польское Общество Красного Креста уполномочивает российскую гражданку Е. П. Пешкову:

"... принять на себя попечение о всех польских военнопленных, гражданских пленных и интернированных лицах, а ровно о заложниках, буде таковые существуют".

Большая часть польских граждан, относящихся к категории гражданских пленных, была разбросана по различным местам заключения обширной территории РСФСР. Регистрация их отсутствовала, и точного учета нигде не велось. Начавшаяся работа сразу поставила перед Екатериной Павловной множество вопросов. Кого считать гражданскими пленными? Кто действительно является польским гражданином? В каких пределах должна быть оказываемая помощь этой категории польских граждан? Е.П. писала, что до ее поездки в Ригу в декабре 1920 года, разрешить эти вопросы ей не удавалось.

Для иллюстрации того, сколь многообразен был социальный состав польских заключенных, приведу текст адресованного Пешковой письма, отправленного в январе 1922 года, хотя речь идет о событиях 1919 года. Текст на польском:

"Прошение.

7 мая 1919 года в Киеве, в студенческой столовой на Рейтарской ул<ице>, № 4 представителями особого отдела по борьбе с контрреволюцией были арестованы 8 студенток и 19 студентов, в том числе: Басинский Карл, Борковский Петр, Каменский Станислав, Керницкий Иосиф, Некраш Марьян и Савицкий Тадеуш. Обвиняли их всех в контрреволюции и шпионаже в пользу Польши, и высылке польской молодежи в ряды легионов.

16 и 19 июля 1919 г<ода> выше поименованные товарищи были увезены из Лукьяновской тюрьмы неизвестно куда, а 23 июля 1919 г<ода> некоторые киевские газеты, за исключением "Известий", сообщили, что поименованные товарищи наши приговорены Чрезвычайной Комиссией к смертной казни, с исполнением приговора в течение 24 часов. Остальные товарищи, а именно:

Дембовская Зофия, Гораяцкая Вацлава, Юрьевич Антонина, Кассати Ванда, Недзведская Янина, Домбровский Богуслав, Квятушинский Вацлав, Нарбутт Генрих, Порембский Андрей, Пфаффиус Генрих, Рудницкий Тадеуш, Слюжинский Альфред и Четвертинский Витольд были увезены в качестве заложников "от польской буржуазии" в Москву и затем в начале 1920 года возвращены в Польшу, на основании соглашения Польского и Российского Обществ Красного Креста от 2 и 9 ноября 1920 г<ода>.

Еще в Киеве, затем в Москве, а теперь в Польше, доходили и доходят со всех сторон слухи не без основания, что приговор над поименованными товарищами исполнен не был, и что все они были увезены куда-то вглубь России.

До сих пор, несмотря на многочисленные запросы, точного ответа, что случилось с нашими товарищами, мы не получили и поэтому обращаемся к Вам с почтительной просьбой сообщить нам, какова судьба Карла Басинского, Петра Борковского, Станислава Каменского, Иосифа Керницкого, Марьяна Некраша и Тадеуша Савицкого и приложить все усилия к скорейшему возвращению их в Польшу.

Варшава январь 1922 г<ода>.

Председатель общества
Члены Правления

<подпись>
<подпись>".

В соглашении между РСФСР и УССР с одной стороны и Польской Республикой с другой, заключенном "по исполнению ст<атьи> VII договора и прелиминарных условий мира от 12 октября 1920 года" говорилось о репатриации лиц, находящихся в пределах территорий договаривающихся сторон.

В число этих лиц входили: заложники, гражданские пленные, интернированные, военнопленные, беженцы и эмигранты. В соглашении оговаривался порядок обмена граждан, пункты обмена, имущественные вопросы и многое другое.

В циркуляре Наркомата юстиции от 29 октября 1920 года, подписанным заместителем Наркомюста Петром Стучкой, в пункте 8 говорилось:

"Лица, подлежащие освобождению от наказания, но не могущие быть оставленными на свободе, как опасный для РСФСР элемент, одновременно с освобождением от отбывания наказания передаются в распоряжение органов НарКомВнутДел для немедленного их направления на Родину".

Этими документами будет в дальнейшем руководствоваться Пешкова в своей работе. А пока что люди, лишённые поддержки со стороны, видели в ней единственное лицо, которое может и должно обслуживать нужды не только их, но и их семей. Е. П. писала:

"Я лично считала такой взгляд вполне естественным и справедливым, с самого начала приравнивала весь свой вспомогательный аппарат именно к всестороннему, по возможности, обслуживанию польских граждан".

Аппарат Бюро (так он назывался) состоял вначале из 5 человек:

Уполномоченный Польского Красного Креста (в дальнейшем будем сокращенно называть ПКК), то есть сама Екатерина Павловна Пешкова, ее помощник Михаил Львович ВИНАВЕР — ведавший юридической помощью, еще трое сотрудников.

Представители организации работали в Нижнем Новгороде, Туле, Ярославле, Тамбове, Пензе, Орле.

Уже 21 декабря 1920 года из Варшавы на имя Пешковой был отправлен пакет с письмами — общим количеством около двух тысяч от русских пленных в Польше для их семей, а также письма от родственников польских пленных и заложников, находившихся в Советской России. В первой половине января 1921 года из Польши были отправлены продуктовые и вещевые посылки, а также деньги. После первых обследований мест заключения, Е.П. постаралась первым делом перевести всех кормящих матерей с грудными детьми из числа заключенных в Дом Матери и Ребенка. У некоторых заключенных оставались на воле дети без приюта и надзора. Их необходимо было устроить в какие-либо детские учреждения или у частных лиц. Особо больных Е.П. постаралась перевести в больницы или добивалась освобождения под чье-либо поручительство, иногда под свое собственное. Путем хлопот и переговоров с ЧК она добивалась свидания заключенных с родственниками, иногда даже отпуска некоторых заключенных домой для свидания.

По возвращении из Риги, то есть к концу 1920 года, в круг опеки Екатерины Павловны вошли еще военнопленные, обслуживание которых с октября 1921 года возьмет на себя Польская Делегация. А пока что число их в одной только Москве и ее ближайших окрестностях достигало 4-5 тысяч человек. Условия содержания военнопленных в лагерях были хуже, чем у гражданских пленных в местах заключения, хотя свободы было больше. Изнуряла тяжелая работа: рубка дров, выделка кирпича. Питание

было очень скудным. Присылаемых из Польши продуктов было мало, цены на рынке — недосягаемы. Е.П. обратилась в Наркомат Продовольствия по поводу получения продуктового пайка из Государственных запасов.хлопоты ее увенчались успехом. Пайки для подопечных Пешковой отпускались вплоть до ноября 1921 года и были даже больше, чем у советских служащих. Большие польские праздники, такие как Пасха, Троица, отмечались небольшой единовременной выдачей продуктов всем заключенным в тюрьмах и лагерях, а также польским гражданам на пунктах и общежитиях.

После заключения мирного договора и опубликования его в русских газетах в марте 1921 года, настроение заключенных, по словам Пешковой, "вылилось в ряд протестов и конфликтов, грозивших повлечь за собой пагубные последствия". В Бутырской тюрьме, лагерях Андроньевском, Покровском, Ново-Песковском были объявлены голодовки с требованием немедленного освобождения.

"В большинстве случаев, — писала Екатерина Павловна, — путем разъяснения и убеждения, удавалось прекратить эту пагубную меру борьбы, к тому же часто бесполезную. Иногда приходилось хоронить умерших в местах заключения. Словом, сама жизнь заставляла расширить рамки опеки".

Осенью 1921 года число опекаемых Екатерины Павловны уменьшилось, в связи с отправкой их на Родину. Отправлялись эшелонами, списки которых составлялись заранее. К 1 ноября в Москве оставалось в местах заключения 299 человек гражданских и политических пленников, 100 человек военнопленных.

В сентябре-октябре Е.П. совершила объезд и обследование Сибири. Посетила места заключения в Омске, Ново-Николаевске, Красноярске и Иркутске. Права, предоставляемые ей при посещении мест заключения, оговаривались в удостоверениях ВЧК. Перед нами одно из первых таких удостоверений, подписанное Дзержинским 1 августа 1921 года. В нем говорится, что:

"Пешковой Екатерине Павловне разрешается беспрепятственно посещать места, в коих находятся заключенные поляки, с возможностью внеочередного получения билетов в международных и делегатских вагонах, пользоваться по служебным делам городским и междугородным телефоном и правом передачи телеграмм. Переговоры с заключенными производятся в присутствии тюремной администрации".

За год существования Бюро была проделана огромная работа по оказанию польским заключенным материальной, юридической, врачебной и информационной помощи. С января 1921 года функционировало отделение Бюро в Петрограде, где тоже было много сделано. Однако с октября 1921 года деятельность Бюро стала замедляться. Начался длительный кризис. Ликвидация Бюро намечалась на конец декабря. Почти все дела по материальной помощи перешли в руки Польской Делегации, куда теперь направлялся весь поток польских граждан, в ней нуждавшихся.

После поездки Пешковой в Варшаву в ноябре 21 года ликвидация Бюро была приостановлена, так как намечался новый план деятельности.

К марту 1922 года в московских тюрьмах, лагерях и больницах находилось всего 341 человек из числа подопечных Е.П., но тут через Москву хлынула волна беженцев, преимущественно из голодных мест. Они прибывали как проходящими через Москву эшелонами, так и "самоходом". Петроградское отделение Бюро, под опекой которого находилось в начале 1922 года только 185 человек, было к 1 марта

закрыто. Но в Петроград, по словам Пешковой, "так же как в Москву, съезжаются с Севера беженцы". Информационная служба Бюро к тому времени тоже перешла Делегации.

Екатерина Павловна заключила, что деятельность Бюро в том виде и объеме, к которому она по необходимости пришла, делает работу Бюро ненужным, дорогостоящим придатком Делегации, так как нет главного: возможности оказать материальную помощь, в которой "теперь, когда через Москву движется волна голодных беженцев и когда все новые и новые углы страны объявляются неблагополучными по голоду". Е.П. писала в Варшаву:

"Достаточно обследовать беженские пункты или стоящие на запасных путях вагоны с "самоходами-беженцами", чтобы видеть, насколько настоятельно необходима помощь этой категории польских граждан".

Большой проблемой было жилье. Выходящим из тюрем негде было жить до отправки. Условились открыть приют для них, а пока в каждом отдельном случае устраивали их по-разному. Иногда удавалось на несколько дней получить разрешение на проживание в общежитие социального обеспечения, иногда, в особо тяжелых случаях, приходилось устраивать таких людей в помещении Бюро, дома у Е.П. или ее сотрудников.

С 1 января 1922 года Польская Делегация по репатриации заявила о прекращении финансирования Бюро. Теперь Бюро не могло оказывать материальную помощь, зато усилилась его деятельность по удовлетворению ходатайств в Польский Красный Крест об облегчении участи сидящих в лагерях и тюрьмах. Е.П. хлопотала о переводе заключенных из провинции в Москву, где условия были все-таки лучше, об ускорении рассмотрения дел, о выпуске на поруки, включении в списки эшелонов, отправке в индивидуальном порядке, улаживала конфликты с тюремной администрацией. За первую половину 1922 года посещаемость Бюро увеличилась с 211 человек в январе до 425 в июне. Бутырская и Таганская тюрьмы посещались раз в неделю, Сокольническая и Новинская — по мере надобности.

"По мере развития работы Бюро, — писала Екатерина Павловна, — к ходатайствам его все более и более внимательно прислушиваются, и все чаще удается добиться благоприятного результата этих ходатайств".

К весне 1923 года отношения с Делегацией наладились и трения исчезли. Однако летом 1923 года работа Уполномоченного ПКК приостановилась. Сначала были затруднения финансового порядка, Пешковой предложили сократить минимальный штат сотрудников, оклады которых были меньше, чем у советских служащих. Заместитель министра иностранных дел Польши Бабинский прислал Е.П. горячую благодарность за ее самоотверженный труд "с целью облегчения участи наших несчастных соотечественников" и просил продолжать свою деятельность, несмотря на трудности. В ноябре ситуация усугубилась тем, что польское правительство отказалось визировать мандат Семполовской, в ответ советское правительство пошло на аналогичные меры, и в ноябре Е.П. написала в Варшаву:

"... с понедельника 19/XI мой пропуск в тюрьме приостановлен до тех пор, пока мандат Семполовской не будет визирован... Прошлую неделю здешние заключенные в Бутырской и прочих тюрьмах остались без посещения. На этой неделе и они, и еще 100 с лишним человек в Ярославле тоже останутся без помощи".

4 декабря 1923 года Екатерина Павловна получила уведомление об

аннулировании ее мандата. "Месяц ожидания, — писала она в конце декабря, — надежды на возобновление работы мало, жаль тратить деньги на квартиру и служащих". А в письме от 11 января, — что "дело с утверждением Семполовской — безнадежно".

В Ярославле было сосредоточено значительное число польских граждан. Приведем выдержки из последующих писем Е.П.

"Все это время мы совершенно лишены возможности получать сведения, кто из польских граждан вновь арестован и содержится в тюрьмах, а также 4 месяца гражданских заключенных в Ярославле (более 100 человек) никто не навещал... При недостаточной материальной помощи и вследствие задержки последнего обмена — настроение заключенных крайне нервное, которое с трудом удается разряжать. Поэтому поездки в Ярославль являются крайне необходимыми"¹.

Тревоги Пешковой вскоре утихли. В конце марта г<осло>жа Семполовская приехала в Москву и, в результате ее переговоров в столице, был урегулирован вопрос об очередном обмене. 11 апреля 1924 года сообщено было официально из Варшавы, что мандат Семполовской восстановлен, а через месяц было выдано новое удостоверение и Пешковой. В октябре она выехала в Смоленск, Могилев, Минск, Витебск, Гомель. В феврале 1925 года — на Украину для посещения мест, где находились заключенные поляки.

* * *

В фонде Уполномоченного Польского Красного Креста хранится 5600 личных дел (различных) категорий з/к. В них — много интересных писем, кроме того, есть списки заключенных поляков, составленные при обследовании тюрем, лагерей и других мест заключения, в которых, как правило, приводятся данные о времени и причинах ареста. Отдельные материалы — по обменам.

1 февраля 1925 года завершился, наконец, обмен на границе. Для Е.П. это было завершением хлопот, связанных с длительными переговорами с рядом инстанций. Обмен 1925 года был третьим персональным групповым обмен.

Первый состоялся 15 марта 1923 года, ксендзов среди них не было.

Второй — 28 апреля 1924. Среди обмененных было 6 ксендзов.

Третий обмен — 1 февраля 1925 года. Ксендзов из них 7 человек.

Четвертый обмен состоялся 8 февраля 1926 года. Обменено было всего по 4 человека с каждой стороны. Из уехавших в Польшу двое были ксендзы.

Пятый — 31 января 1928 года, из 32 уехавших — 4 ксендзов.

О шестом, проходившем 15 сентября 1932 года расскажем отдельно.

С ним из 41 человек уехало 17 ксендзов.

Вот как описывал это в своих воспоминаниях Теофил Скальский²:

"... 15 сентября около 9 часов утра, когда мы должны были присоеди ниться к локомотиву, чтобы через час быть в Польше, нам крикнули, чтобы мы выходили с вещами. Мы перешли в вагон без решеток, в котором нас должны были везти от самого Ярославля. Обмен был в Колосово на границе.

¹ Заметим, что на одного заключенного Делегация выделяла 1 рубль в неделю.

² Сам Теофил Скальский, настоятель собора св. Александра в Киеве, Апостольский администратор, был арестован в 1926 году. Польская сторона запросила его на обмен, он должен был уехать еще в январе 1928 года. Однако Теофил Скальский был слишком крупной фигурой среди католиков в СССР, чтобы так просто его отпустить. Сидел в Москве, в Бутырской тюрьме и Ярославском политизоляторе. Уехал с обменом 1932 года.

... Вошла Екатерина Павловна Пешкова. Я должен был от имени всех сказать речь этой замечательной женщине, поблагодарить ее, т<ак> к<ак> я лучше других знал эту добрую русскую женщину, которая на протяжении нескольких лет так заботливо опекала меня и многих других, но голос у меня пропал, я так охрип, что звука произнести не могу.

Она это видит и понимает. И принимает мою неуклюжую речь как должное. Я вручаю ей все собранные среди нас советские деньги, т<ак> к<ак> в Польшу их везти нельзя, а она в Красном Кресте сумеет применить их с пользой для заключенных поляков. Этим денег несколько тысяч рублей. Последнее пожатие ее руки. До свидания. Спасибо...".

Материальная помощь, в виде продуктовых посылок и одежды, осуществлялась постоянно. В середине 1937 года Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста, а также "Помощь политическим заключенным" были закрыты по распоряжению Наркома внутренних дел Ежова. Екатерина Павловна Пешкова последние годы работала в музее Горького. Скончалась в 1965 году.

Сейчас, когда никого из ее подопечных тех страшных лет уже нет в живых, но остались их письма с горячей благодарностью за помощь, хочется еще раз вспомнить эту замечательную женщину, не жалевшую сил для облегчения участи страдавшим.